

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-469-475

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,

кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье анализируются правовые риски, связанные с применением робототехнических систем в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) с акцентом на сохраняющуюся доктринальную неопределенность статуса робототехники как предмета и средства преступления, а также как инфраструктурного элемента, опосредующего реализацию полномочий личного состава. Особое внимание уделяется повышенной причиняющей способности автономных роботов, аспектам, связанным с сочетанием программной и аппаратной составляющих и их влиянию на структуру преступности и объем потенциального вреда в условиях деструктивных воздействий, включая дистанционное управление, координацию действий нескольких устройств и возможность длительной автономной работы без непосредственного человеческого участия. Отмечается, что действующее законодательство не рассматривает использование робота в качестве квалифицирующего признака, а общая отсылка к «специально изготовленным техническим средствам» не покрывает типичные ситуации эксплуатации серийной робототехники при совершении преступлений, в том числе в учреждениях УИС, где такие устройства становятся элементом стандартной служебной инфраструктуры. Аргументируется необходимость дифференциации уголовной ответственности с учетом вида робототехнической системы, степени автономности, характера ее служебного использования в учреждениях УИС и уровня фактического влияния алгоритмических решений на наступление общественно опасных последствий. Вводится в рассмотрение принцип сохранения существенного человеческого контроля в качестве критерия правомерности применения робототехнических систем в пенитенциарной деятельности и основания для распределения ответственности между оператором, администратором алгоритма и разработчиком, включая случаи опосредованного причинения вреда через некорректное программирование или настройку автономной системы. Сформулирована система правовых ограничений на внедрение робототехники в деятельности ФСИН России, включая требования алгоритмической прозрачности, предсказуемости поведения автономных систем, технологической верифицируемости их решений и исключения ситуаций отсутствия субъекта преступления при причинении существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, ФСИН России, робототехническая система, автономная интеллектуальная система, искусственный интеллект, уголовно-правовые риски, повышенная причиняющая способность, алгоритмическая прозрачность, человеческий контроль, квалифицированный состав преступления, пенитенциарная безопасность, дифференциация ответственности, правовые ограничения, средства совершения преступления, цифровизация.

TSARKOVA Evgeniya Gennadiyevna,

Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

CRIMINAL LAW RISKS AND RESTRICTIONS ON THE USE OF ROBOTIC SYSTEMS IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article analyzes the legal risks associated with the use of robotic systems in the activities of institutions of the penal system of the Russian Federation (Penal System), with an emphasis on the ongoing doctrinal uncertainty regarding the status of robotics as both an object and a means of committing a crime, as well as an infrastructural element mediating the exercise of personnel authority. Particular attention is paid to the enhanced harm-causing capacity of autonomous robots, aspects related to the combination of software and hardware components, and their impact on crime patterns and the scope of potential harm under conditions of destructive interference including remote control, coordination of multiple devices, and the ability to operate autonomously for extended periods without direct human involvement. It is noted that current legislation does not treat the use of a robot as a qualifying feature, and the general reference to «specially manufactured technical means» does not cover typical scenarios involving the use of mass-produced robotics in the commission of crimes, including within penal institutions, where such devices are becoming part of the standard operational infrastructure. The article argues for the need to differentiate criminal liability based on the type of robotic system, the degree of autonomy, the nature of its official use in penal institutions, and the actual extent to which algorithmic decisions contribute to socially dangerous consequences. The principle of retaining substantial human control is introduced as a criterion for the lawfulness of using robotic systems in penitentiary activities and as a basis for allocating responsibility among the operator, the algorithm administrator, and the developer including cases of indirect harm caused by incorrect programming or configuration of an autonomous system. A system of legal restrictions on the deployment of robotics in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia is formulated, encompassing requirements for algorithmic transparency, predictability of autonomous system behavior, technological verifiability of their decisions, and the prevention of situations where no crime subject exists when substantial harm is caused to public relations protected by criminal law.*

Key words: *Penal system of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service of Russia, robotic system, autonomous intelligent system, artificial intelligence, criminal law risks, enhanced harm-causing capacity, algorithmic transparency, human control, qualified crime elements, penitentiary security, differentiation of liability, legal restrictions, means of committing a crime, digitalization.*

Введение

Технологический переход к использованию робототехнических систем в деятельности учреждений ФСИН России формирует новую конфигурацию уголовно-правовых рисков, поскольку сочетает высокую причиняющую способность роботов с высокой концентрацией уязвимых объектов в пенитенциарной среде [1, с.14]. Анализ уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, показывает, что роботы рассматриваются как сложные цифровые объекты с программной и аппаратной составляющими и обладают автономным причиняющим потенциалом, который увеличивается по мере развития технологий искусственного интеллекта [2, с.64]. Для учреждений УИС этот фактор приобретает особое значение, поскольку, например, даже ограниченная по массе полезная нагрузка беспилотного летательного аппарата способна обеспечить доставку запрещенных предметов в зону режима, а оснащение робота взрывным устройством трансформирует единичный инцидент в угрозу массового поражения осужденных и личного состава исправительного учреждения.

Материалы и методы

Робототехническая система в контексте деятельности ФСИН России может быть опреде-

лена как совокупность программной и технической подсистем, предназначенная для выполнения охранных, надзорных, транспортных и досмотровых функций в условиях изоляции осужденных, при этом часть решений при использовании такой системы принимается в автоматическом режиме. Специализированный робот может рассматриваться как сложный объект, включающий программное обеспечение, определяющее набор функций и пределов действий, и аппаратную часть, представленную конструктивными элементами, приводами, датчиками, радарными и иными сенсорными компонентами. Такая конструктивная характеристика в условиях функционирования учреждений УИС означает, что одна и та же робототехническая система одновременно выступает и как объект уголовно-правовой охраны (имущество, оснащенное специфическими функциями контроля и воздействия), и как средство совершения преступления (например, при доставке запрещенных предметов на территорию учреждения), и как техническая инфраструктура, обеспечивающая исполнение наказания (например, система автоматизированного интеллектуального видеонаблюдения).

Применение технологий искусственного интеллекта ведет к повышению степени автономности роботов и усложняет вопрос определения субъекта ответственности за возможный причи-

ненный вред. В условиях УИС аналогичная проблема может проявляться в задачах автоматического применения принудительных мер (например, включение звукового или светового воздействия, блокировка дверей, распределение охранных ресурсов), когда автономный алгоритм фактически завершает объективную сторону возможного преступления (например, причинение вреда здоровью через некорректное использование специальных средств) при минимальном участии оператора [3, с.330; 4, с.160; 4, 5.153].

Перспективные направления применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России можно сгруппировать по четырем основным функциональным блокам: охрана внешнего периметра, внутренний надзор за поведением осужденных, доставка грузов, а также досмотр и мониторинг. Возможность перемещения роботов по грунту, в воздушной и водной среде, а при необходимости и в подземном пространстве, служит предпосылкой для использования их в деятельности учреждений УИС как в качестве наземных патрульных платформ, так и в виде беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для воздушной разведки и контроля периметра [6, с.242; 7, с.53]. Современная тенденция к росту полезной нагрузки беспилотных систем и повышению их энергообеспечения увеличивает не только их полезный потенциал для применения в деятельности пенитенциарного ведомства, но и приводит к росту угроз использования робототехники для противоправных действий [8, с.50; 9, с.134].

Системное внедрение робототехники в учреждениях ФСИН России обуславливает необходимость рассмотрения ряда проблемных правовых вопросов. Первый из них связан с тем, что в действующем УК РФ отсутствуют легальные определения «робототехническая система», «автономная интеллектуальная система» и «искусственный интеллект», что затрудняет формирование однозначной практики квалификации деяний, совершенных с их использованием. Далее, общие положения об обстоятельствах, отягчающих наказание, охватывают только случаи использования «специально изготовленных технических средств», что не позволяет учесть использование серийных робототехнических платформ при внезапно возникшем умысле на совершение преступления. И, наконец, признаки состава преступления, характеризующие средства совершения преступления (оружие, взрывные устройства, средства вычислительной техники), не включают робота как индивидуально-неповторимый объект, совмещающий свойства нескольких категорий одновременно.

С учетом данных факторов возникает задача перехода от общей концепции уголов-

но-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, к конструированию уголовно-правовых ограничений применения робототехнических систем в пенитенциарных учреждениях. Под правовыми рисками в таком контексте следует понимать риски неверной квалификации деяний, связанных с роботами, возникновения ситуаций отсутствия субъекта уголовной ответственности, нарушения прав осужденных и сотрудников вследствие непрозрачной работы алгоритмов, а также неадекватного распределения ответственности между участниками разработки и эксплуатации роботов. В деятельности ФСИН России эти риски усиливаются особым статусом осужденного, режимным характером территории и повышенными требованиями к обеспечению безопасности и охраны здоровья лиц, находящихся под стражей [10, с.265].

Повышенная причиняющая способность робототехнических систем выступает ключевой объективной предпосылкой установления специальных уголовно-правовых ограничений их применения в УИС. Роботы обладают увеличенным причиняющим потенциалом по сравнению с традиционными материальными объектами благодаря сочетанию мобильности, возможности переносить грузы значительных габаритов и массы, использоваться для доставки взрывчатых веществ и координированных действий группы устройств. Например, скоординированное применение нескольких БПЛА для одновременной доставки оружия в разные участки колонии способно радикально изменить баланс сил при групповых неповиновениях, но в действующей модели уголовно-правовой оценки такой сценарий не находит отражения как качественно иной по уровню общественной опасности.

Сложная природа робота как объекта уголовно-правовой охраны в учреждениях ФСИН России проявляется в том, что посягательство на робототехническую систему выходит за рамки обычного преступления против собственности. Так, например, неправомерное завладение охраняемым роботом-патрульным затрагивает не только имущественный интерес государства, но и режим исполнения наказания, безопасность осужденных, личного состава и иных лиц, находящихся на территории учреждения. Стандартный подход, при котором робот рассматривается как имущество и включается в предмет хищения либо повреждения, не отражает повышенную опасность нарушения функционирования роботизированной инфраструктуры исполнения наказаний. Если, например, наземный робот, несущий функции видеонаблюдения и физического блокирования периметра, выводится из строя посредством программного воздействия, нарушается не

только право собственности, но и обеспеченность надлежащего режима охраны, что должно находить отражение в конструкции состава преступления.

Робот как средство совершения преступления в учреждениях УИС демонстрирует специфические характеристики, уже частично описанные для общей сферы общественных отношений. Поскольку робототехника позволяет выполнять объективную сторону посягательства при нахождении субъекта на значительном удалении от преступного события за счет дистанционного управления и устойчивых каналов связи, в условиях пенитенциарного учреждения это может приводить к реализации сценариев, когда организатор, находящийся вне учреждения, посредством БПЛА осуществляет доставку запрещенных предметов в локальную зону или инициирует применение взрывного устройства на территории охраняемого объекта.

В качестве отдельного аспекта следует рассмотреть способность роботов согласовывать свои действия, что может быть проиллюстрировано действиями роя БПЛА, когда программа нескольких автономных устройств одновременно блокирует ключевые входы и выходы из режимных корпусов, создавая условия для массовых беспорядков или захвата заложников, хотя ни один из операторов технически не участвует в каждой конкретной операции. Уголовно-правовая оценка подобных действий в существующей конструкции института соучастия осложняется тем, что роботы не признаются субъектами преступления, а цепочка передачи управляющих команд может быть распределена между несколькими лицами и организациями.

Действующее уголовное законодательство в явном виде не рассматривает робота как признак, позволяющий дифференцировать ответственность за преступления, совершенные как с его использованием, так и в отношении него. В УК РФ отсутствуют составы преступлений, в которых робот выступал бы в качестве признака, характеризующего средство совершения преступления. Вместе с тем, потенциал роботов в повышении общественной опасности деяний требует дифференциации ответственности.

В условиях пенитенциарной системы данный пробел проявляется острее. Преступления, совершаемые осужденными и иными лицами в учреждениях ФСИН России, традиционно характеризуются высокой латентностью и концентрацией в ограниченном пространстве, а внедрение робототехники создает новый уровень рисков, не учитываемый нормами о преступлениях против порядка управления, правосудия или режима исполнения наказаний. Нормы об отягчающих

обстоятельствах, включающие использование «специально изготовленных технических средств», по обоснованию исходного текста, не применимы к большинству случаев использования серийных роботов в преступных целях. Это тем более верно для УИС, где значительная часть робототехники, скорее всего, будет закупаться как готовые промышленные решения и адаптироваться к условиям конкретного учреждения без «специального изготовления» под преступный замысел.

Сюда же примыкают ограничения, вытекающие из автономности и непредсказуемости поведения систем с искусственным интеллектом. Поскольку развитие технологий ИИ ведет к переходу от жестко запрограммированных алгоритмов к системам, способным к самообучению и выбору новых алгоритмов действий, затрудняется выявление субъекта ответственности за вред, причиненный автономным роботом. В условиях функционирования учреждений УИС это приводит к возникновению рисков ситуаций, когда, например, автономная система надзора или управления доступом сможет самостоятельно вырабатывать паттерны реагирования (например, блокировку дверей при определенной комбинации показаний датчиков), которые в конкретной обстановке могут приводить к гибели или травмам людей, при отсутствии прямого управления роботом со стороны оператора.

Отсутствие специального регулирования создает институциональное ограничение, связанное с тем, что в традиционном уголовном праве субъектом преступления является физическое лицо, достигшее установленного возраста, однако на уровне позитивного права роботу не может быть придан статус субъекта ответственности. Поэтому при высокой автономности роботов возникает вопрос о субъекте ответственности, который в нынешней модели решается исключительно через поиск виновного среди разработчиков, операторов или иных участников обращения робота. В контексте деятельности УИС такая конструкция увеличивает риск ситуаций, когда вред значителен, а доказать вину конкретного должностного лица затруднительно из-за сложной архитектуры программного обеспечения и распределенных полномочий по его настройке.

Результаты и обсуждение

Исходя из вывода о повышенной причиняющей способности робота, можно сформулировать систему уголовно-правовых ограничений применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России. Первое ограничение связано с обязательной привязкой внедрения

автономных интеллектуальных систем к принципу сохранения существенного человеческого контроля над критически значимыми решениями. Это означает, что любые действия робота, способные повлечь причинение вреда жизни и здоровью осужденных или сотрудников (применение силы, использование специальных средств, изменение режима доступа к помещениям, управление инженерной защитой), должны оставаться либо полностью иницируемыми человеком, либо подлежать немедленному постфактум-контролю с возможностью документированного вмешательства.

Второе ограничение связано с алгоритмической прозрачностью как нормативным требованием к робототехническим системам, внедряемым в УИС. Для пенитенциарной практики это означает, что структура алгоритмов и журналы принятия решений автономными системами должны быть доступны для последующей проверки следственными органами и судами, включая возможность экспертного восстановления логики действий робота при наступлении вредных последствий [11, с.111].

Третье ограничение относится к материализации автономности в дифференциации уголовной ответственности. Человеческое участие при использовании робота для совершения преступления может сводиться к программированию или однократному вводу целевой команды, после чего робот самостоятельно реализует объективную сторону состава преступления. В УИС аналогичная ситуация может возникнуть, когда должностное лицо задаст автономной системе задачу усиления наблюдения или блокировки доступа, а алгоритм, действуя в условиях неопределенности, ошибочно выберет меры, приводящие к тяжким последствиям. Уголовно-правовое регулирование должно отражать этот сдвиг, устанавливая специальные правила оценки вины при опосредованном причинении вреда через автономную интеллектуальную систему, в том числе через формулирование специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за неправомерное программирование или настройку робототехнических систем в учреждениях ФСИН России.

Четвертый элемент системы ограничений сводится к разграничению видов робототехники и учету характера ее использования. Необходима дифференциация ответственности за посягательства в отношении различных видов робототехники и за деяния, в объективной стороне которых присутствует признак использования робота, например, с использованием, трехуровневой системы: роботы охранного и надзорного назна-

чения (периметр, видеонаблюдение, патрулирование), роботы логистического и сервисного назначения (доставка, уборка, обслуживание) и роботы специализированного воздействия (средства физического сдерживания, дистанционные системы применения спецсредств). Характер рисков и требуемые ограничения должны различаться для каждой группы, что следует отразить как в конструкциях специальных составов, так и в формулировке квалифицирующих признаков.

Целесообразно ввести квалифицирующий признак «с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной системы» в составы преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Речь идет об основаниях для установления повышенной ответственности за деяния, причиняющая способность которых возрастает за счет использования робота. В пенитенциарном контексте такой признак может быть предусмотрен, например, для ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы или из-под стражи) и ст. 205 УК РФ (террористический акт), если деяние совершено с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной системы.

Дополнительно на уровне ведомственного законодательства возможно выделение самостоятельного состава, связанного с неправомерным доступом к робототехнической инфраструктуре учреждений УИС и ее использованием в преступных целях. На уровне толкования закона и судебной практики целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ специальные правила квалификации деяний, при которых объективная сторона преступления полностью выполнена автономным роботом, а роль человека ограничилась программированием или удаленной постановкой цели. Целесообразно, чтобы соответствующее разъяснение Пленума закрепило бы, что в подобных ситуациях деяния квалифицируются по общим составам преступлений против личности, правосудия или порядка управления с указанием на использование автономной интеллектуальной системы; описывало бы подход к установлению вины лица, которое осуществляло программирование и настройку робота, несмотря на отсутствие его физического присутствия на месте совершения преступления; прямо указывало на недопустимость ссылки на «ошибки алгоритма» как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность при наличии заведомых нарушений при проектировании и внедрении системы в условиях УИС.

Выводы

Совокупность изложенных положений показывает, что уголовно-правовые риски и ограничения применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России не сводятся к традиционной проблематике охраны общественных отношений, связанных с робототехникой. Специфика пенитенциарного ведомства в данном вопросе выражена в высокой концентрации уязвимых объектов, особом режиме территорий, нормативной обязанности государства обеспечить безопасность осужденных, что трансформирует вопрос в задачу построения иерархии ограничений, в которой технологические возможности роботов заведомо подчинены требованиям уголовного и уголовно-исполнительного права [12, с.37]. Предложенная система ограничений и отдельных изменений законодательства может служить основой для последующей правотворческой работы по формированию устойчивого режима правомерного и эффективного использования робототехники в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.
- [2] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.
- [3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.
- [4] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.
- [5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.
- [6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.
- [7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности

Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

- [1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. The use of identity systems to ensure security at sensitive facilities of the ugo-catch-executive system//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.
- [2] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.
- [3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.
- [4] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents// Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.
- [5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime//Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.
- [6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in government institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.
- [7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in the processing of data in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service//Vedomosti of the penal system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects//Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

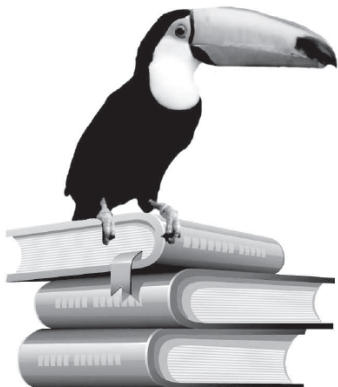
[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet//Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects//Socio-economic development

and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia//Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru